

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД И ДОМАШНИЙ БЫТ КРЕСТЬЯНСТВА (XVII - середина XVIII вв.)

Определенной общественно-экономической формации всегда соответствовали организация семьи и ее функции. Специфика крестьянской семьи и ее внутреннего домашнего быта определялась прежде всего тем, что она представляла собой производящую единицу, от хозяйственной деятельности которой зависело существование двора. Поэтому конкретные данные о типологии крестьянской семьи имеют весьма существенное значение для исследования социально-экономической, хозяйственной и бытовой истории деревни. Типология семьи определяется ее численностью и структурой, основными показателями которой являются поколенный, половозрастной и родственный состав.

История крестьянской семьи у народов нашей страны в период феодализма слабо исследовалась до недавнего времени. Основная трудность заключается в состоянии источников, так как для того, чтобы представить объективную картину структуры семьи, необходимы прежде всего массовые демографические материалы. Сейчас возможно судить только о состоянии семейного строя крестьянства, населявшего Восточноевропейскую равнину и Сибирь. Писцовые и переписные книги церковного, военного и административного учета населения, актовый материал предоставляют богатые возможности для исследования проблемы с учетом региональных особенностей и особенностей, присущих отдельным группам сельского населения. Дело обстоит сложнее при решении проблемы в этническом аспекте, так как в материалах указанных типов далеко не всегда отмечается этническая принадлежность учитываемого населения.

Для периода XVII, а тем более XVIII - XIX вв., говорить о большой семье - патриархальной, многопоколенной, включавшей в свой состав родственников не только по прямой, но и боковой линиям, что было свойственно первобытно-общинному строю, конечно, не приходится. Такие семьи встречались, но как явление вторичное, выросшее из неразделенной семьи. Для крестьянской семьи в России в эпоху позднего феодализма были свойственны другие типы. По имевшимся данным, уже к XVI в. господствующей формой у населения Восточноевропейской равнины была семья малая, состоявшая из двух поколений (родители-дети); наряду с ней бытовала неразделенная семья

разных видов, возникшая на основе малой, - так называемая отцовская, состоявшая из трех, иногда четырех поколений (деды-отцы-сыновья-внуки), и братская, в которой совместно жили женатые братья со своими детьми, а также семьи, члены которых находились между собой в боковом родстве (дядя-племянники). Последний вид мог возникнуть из братской семьи.

Господство малой семьи исследователи связывают с развитием и распространением трехпольной системы земледелия. Сохранение же подсечного земледелия, требовавшее большого числа рабочих рук, способствовало сохранению семей больших размеров со сложным составом родственников по боковой и прямой линиям.¹

Достаточно давно ученые, исследовавшие наиболее древние новгородские писцовые книги, не могли не обратить внимание на относительно слабую населенность дворов новгородских и северорусских крестьян.²

Массовая статистическая обработка писцовых книг XV - XVI вв. подтверждает наблюдения, отраженные в отдельных исследованиях, о состоянии семейного строя в среде новгородского и северорусского крестьянства.³ По этим данным, на территории новгородских пятин средняя численность крестьянских семей с конца XV в. и по 1620-1640 гг., не претерпевая сколько-нибудь существенных изменений, колебалась в разных местностях от 5,0 до 6,4 душ обоего пола. По тем же данным, в среде черносошного северорусского крестьянства средняя численность семей с 1550-1580-х гг. до 1620-1640-х гг. в отдельных уездах возросла с 5,0-5,5 душ до 5,8-6,8 душ (Важский, Двинский, Кеврольский, Мезенский), в других - оставалась на уровне 5,0-6,0 душ (Каргопольский).

В центрально-русских уездах у помещичьих крестьян в первой половине XVII в. численность семей была несколько ниже. По вычислениям В.Д.Назарова и Ю.А.Тихонова, проанализировавших по отписным, отдельным и отказным книгам Поместного приказа за 1614-1645 гг. состояние семей в 88 имениях, находившихся в 14 уездах средней полосы России, общая средняя численность крестьянской семьи достигала 3,4-5 душ обоего пола, существенно колеблясь по отдельным районам. В Московском уезде она равнялась 5,0 душам, в других центральных уездах - 3,4, в поволжских и заволжских (Галичском, Костромском, Ярославском) - 3,6 душам и т.д. При этом наблюдалась известная взаимосвязь, с одной стороны, между величиной имения и населенностью двора, которая повышалась в крупных имениях, в частности, в Московском уезде, где столичные богатые помещики имели

возможность влиять на увеличение плотности подвластного им населения, и, с другой стороны, между хозяйственными занятиями крестьян и населенностью двора. когда наибольшая плотность была свойственна крупным торгово-ремесленным имениям в разных уездах. В анализе всех этих данных можно также заметить некоторое возрастание плотности населения дворов в 1630-1640-х гг., что связывалось В.Д.Назаровым и Ю.А.Тихоновым с изменением системы государственного налогообложения (введение “живущей четверти”), при которой помещики не препятствовали естественному процессу увеличения населения дворов.⁴

Уровень численного состава семей помещичьих крестьян в среднерусской полосе подтверждается анализом писцовых книг за 1620-1640-е гг. по “замосковским” уездам (Звенигородский, Волоколамский, Верейский, Дмитровский, Углицкий, Владимирский, Шуйский, Костромской), проведенным Ю.В.Готье. По его данным, средняя численность там колебалась от 2,4 до 4,6 душ.⁵ Заметные изменения по стране в целом и по ее отдельным регионам произошли во второй половине XVII в.

Исходя из численности дворов и общего количества людей в них, зафиксированных в переписных книгах 1678 г. и обработанных Я.Е.Водарским, среднюю численность населения в крестьянских семьях можно представить по отдельным регионам всей страны.⁶ (См.табл.1) Увеличение численности крестьянского двора во второй половине XVII в. связывалось с введением подворного обложения.⁷ Однако повышение населения двора могло быть результатом разных причин социального, хозяйственного и демографического характера. В отдельных регионах страны и в разное время их влияние могло иметь свою специфику, которая отражалась в типологических отклонениях или особенностях семейного строя, что заслуживает дальнейшего исследования. Так, например, Н.А.Горская в своем исследовании, посвященном монастырским крестьянам Центральной России, пришла к выводу об увеличении населения крестьянских дворов в последнее тридцатилетие XVII в., полагая, что дворы с повышенной населенностью во владениях духовных феодалов сохранялись, с одной стороны, из-за запрещения семейных разделов, а с другой стороны, из-за стремления самих крестьян вести хозяйство силами семейной кооперации, которую они разрушали разделами лишь в крайнем случае. когда это сулило им непосредственное уменьшение владельческого тягla.⁸

Таблица 1

**Средняя населенность крестьянского двора в России в 1678 г.
(лиц м. и ж.пола)**

Районы	Во владениях			У черносошного крестьянства
	свет- ских феода- лов	духо- венст- ва	двор- ца	
1.Западный район (5 уездов)	6,8	7,0	7,6	-
2.Северо-западный район (8 уездов)	7,8	6,6	6,2	-
3.Нечерноземный район (50 уездов)	7,6	6,8	7,4	-
4.Северный и Северо-восточный районы (Поморье, 20 уездов)	7,0	7,4	5,2	6,6
5.Восточный и Юго-Восточный районы (28 уездов)	6,8	6,8	5,6	-
6.Черноземный центр (42 уезда)	8,8	9,0	9,4	-

Впрочем, рост населения крестьянского двора во второй половине XVII в. прослеживался далеко не повсеместно. Так, в ряде поморских уездов этот процесс не наблюдался: например, в Кеврольском и Мезенском уездах в 1678 г. средняя численность двора равнялась соответственно 5,4 и 4,0 душам м. и ж.п.⁹, т.е. была даже меньше, чем в 1620-1640 гг. В Двинском уезде в 1620-1640 и 1670-х гг. средняя цифра оставалась фактически неизменной (6,8 и 6,6). В целом же следует согласиться с выводом Я.Е.Водарского о том, что объединения в один двор нескольких хозяйств “не могли существенно изменить среднюю населенность двора ни в целом по стране, ни по ее отдельным крупным районам”¹⁰.

В начале XVIII в. тенденция внутреннего роста крестьянских семей по сравнению с 1678 г. возросла с 6,6-7,6 душ до 10,6 душ. в Нечерноземном центре, на Севере и Востоке (Поволжье) она оставалась в стабильном состоянии и лишь в Черноземном центре упала с 8,8-9,4 душ в 1678 г. до 7,8 душ.¹¹

С введением при Петре I подушной подати фискальные органы при учете тяглого населения прежде всего стали интересоваться не количеством дворов, а душами м.п. Изменение характера официальной документации, разумеется, затрудняет определение средней населенности дворов в масштабе всей страны. Только по частным данным можно судить об уровне населенности крестьянских дворов в отдельных уездах. Численный анализ 428 семей вологодских крестьян Кубенской трети на 1717 г., осуществленный Е.Н.Баклановой, показал, что наиболее распространенными были семьи в 4-6 душ м. и ж. пола: они составляли почти половину (209) всех учтенных семей.¹² Подобная же ситуация наблюдалась в 1730-х гг. в вотчине А.И.Румянцева с центром в селе Чеберчино (Алатырский уезд) - основная часть семей (149 из 247) состояла из 4-7 чел. обоего пола.¹³

Несколько возросшая с середины XVII в. численность крестьянского двора, тем не менее, не дает основания думать о сохранении архаических черт семейного строя и существовании каких-либо сложных большесемейных форм.

В черносошном Поморье - на Двине, Мезени - в конце XVI - первой четверти XVII в., по данным А.И.Копанева, "основной хозяйственной ячейкой была малая крестьянская семья".¹⁴ По наблюдению П.И.Иванова, в XVII в. в крестьянской среде Кеврольского, Мезенского, Двинского уездов были главным образом семьи родителей и детей, реже - "сложные, состоящие из братьев, братьев с их детьми и племянниками, изредка из двоюродников, из лиц трех поколений, деда, сыновей и внуков",¹⁵ и лишь иногда семьи, где кроме родственников и свойственников, были и посторонние. По данным 1678-1679 гг., в Восточном Поморье в Соли Камской, где население на соляных промыслах комплектовалось за счет местного поморского крестьянства, переселявшегося вместе с семьями, последние состояли из родителей-детей, родителей-детей-внуков, из женатых братьев, супругов с детьми и племянниками, т.е. это были либо малые семьи, либо неразделенные в форме отцовской и братской семей.¹⁶

Аналогичными были семьи у владельческих крестьян в юго-западном районе Поморья - у помещичьих и монастырских крестьян Вологодского уезда. В конце XVII - начале XVIII вв., по переписным

книгам уезда, у них преобладала малая семья: 80,3% в конце XVII в., 54,5% - в начале XVIII в. Господствующим ее типом была семья родителей с неженатыми детьми. Неразделенные семьи составили в 1678 г. 20%, в 1717 г. - 46%. Особо сложных семейных форм с прямым и боковым родством у вологодских крестьян не наблюдалось. В общей массе преобладали семьи всего лишь в два поколения (в 1678 г. - 64,5%, в 1717 г. - 67,2%); семьи в три поколения занимали второстепенное положение (соответственно 14,8% и 23,9%), а четырехпоколенных семей, причем только с прямым родством, было ничтожное количество. Среди трехпоколенных семей преобладали братские семьи, которые в 1678 г. составили половину всех неразделенных семей. Семьи помещичьих крестьян были более сложны по структурно-поколенному составу, нежели семьи монастырских крестьян, хотя у тех и других преобладающей была малая семья. У помещичьих крестьян было больше семей с боковым родством (62%), состоящих из двух-трех поколений людей числом от 4 до 9 чел. обоего пола. Чаще, чем у монастырских, у них встречались и братская семья и семья из дядей-племянников.¹⁷

В некоторых погостах Чердынского уезда в начале XVIII в., судя по сохранившимся ревизским сказкам 1711 г., неразделенные, преимущественно братские семьи существенно преобладали над малыми в среде черносошного крестьянства, тогда как у владельческих, монастырских и строгановских крестьян преобладали семьи малые.¹⁸ Сложные формы семьи прослеживались в XVIII в. на Севере в среде крестьян-раскольников. Так, на Выге (Олонецкая губерния) у старообрядцев были неразделенные семьи отцовские и братские, состоявшие из трех-четырех поколений родственников, прямых и боковых, и свойственников и насчитывавшие до 20 человек. Таких семей в Водлозерском погосте, например, в 40-х гг. XVIII в. насчитывалось до 36% всех семей. Неразделенные семьи обычно занимали дворы, где было по несколько изб. Примечательно, что у крестьян-старообрядцев, вновь прибывших новопоселенцев, преобладали малые семьи в 2-5 человек.¹⁹

На северо-западе страны, на территории Шелонской пятины в первой половине XVII в. бытовали те же основные формы семьи - малая и неразделенная (отцовская и братская). По данным 1646 г., неразделенные семьи составляли треть всех семей, но в дальнейшем их удельный вес значительно вырос, особенно братских семей. За счет сокращения семейных разделов удельный вес братских семей к 1678 г. возрос в 2.5 раза (с 15 до 37%), в результате чего в неразделенных

семьях концентрировалось до 69% всего крестьянского населения, проживающего на рассматриваемой территории.²⁰

О структуре крестьянской семьи средней полосы России в это же время некоторые данные содержатся в исследовании В.Д.Назарова и Ю.А.Тихонова. На основании наблюдений, охватывающих 36 имений, они пришли к выводу о том, что не менее 75-90%, а в отдельных случаях и более, семей были трехпоколенного или, в меньшей мере, двухпоколенного состава с прямым нисходящим родством. Братские семьи, преимущественно двухпоколенные, состоявшие из семьи старшего брата и неженатых или женатых, но не имевших еще детей, младших братьев, были значительно более редки. Семьи с родством по свойству и по женской линии - уникальны. Таким образом, по этим данным прослеживаются те же структурные формы - малая и неразделенная семья, среди которых, по сравнению с севернорусским крестьянством, братские семьи занимали более скромное место.²¹ В первой четверти XVIII в., правда, по разрозненным данным ревизских сказок, структурно-поколенный состав семей преимущественно владельческого крестьянства целого ряда уездов южной и средней полосы России (Бельского, Болховского, Елецкого, Касимовского, Кромского, Пензенского, Рязанского, Ярославского) выглядел несколько иначе. Во всех уездах преобладала неразделенная семья в различных вариантах (отцовская и братская формы, семья из дядей и племянников и семьи более сложного состава с включением боковых родственников, свойственников - шуринов, зятьев, деверей и т.п. и родственников этих свойственников). Особенно много сложных по составу семей было в уездах Ярославском, Касимовском, Рязанском, Кромском. Отцовские неразделенные семьи составляли большую часть семей в Елецком, Пензенском, Рязанском уездах. Семьи из дядей-племянников в большинстве неразделенных семей Касимовского, Кромского и особенно Ярославского уездов составляли более двух третей всех семей. Братские семьи преобладали в Болховском и Кромском уездах среди всех неразделенных семей.²²

Структура крестьянской семьи отчетливо прослеживается в колонизируемых районах. В Сибири крестьянский семейный строй к настоящему времени изучен довольно обстоятельно. К концу XVII-началу XVIII в. русские переселенцы в Сибири, прежде всего крестьяне, восстановили свои семьи, которые по своей численности не уступали, крестьянским семьям европейской части страны. По данным 1699 г., как в Западной, так и в Восточной Сибири в среднем семьи насчитывали 5,8 чел. обоего пола, а по переписи 1710 г. они возросли до 7,2 чел., при

абсолютном равенстве в них лиц мужского и женского пола.²³ В 1719 г. в отдельных уездах Сибири средняя численность крестьянских семей продолжала повышаться; например, в Енисейском уезде она достигала 9.8 чел.²⁴ В Западной Сибири, где сельскохозяйственное освоение началось прежде всего в Верхотурском, Тюменском, Турицком, Тарском, Томском, Кузнецком уездах, во второй половине XVII в. и до XVIII в. малые двухпоколенные семьи занимали доминирующее положение (до 70-90%), хотя и отличались по средней численности друг от друга.²⁵ В начале XVIII в. там стал наблюдаться рост неразделенных семей. Освоение земель требовало максимальной концентрации рабочих рук в крестьянских дворах, и потому образование неразделенных семей порождалось хозяйственными соображениями. Уже в 1718-20 гг. в Тюменском и Томском уездах неразделенные семьи явно преобладали в деревне²⁶: на юге Кузнецкого уезда неразделенные, преимущественно братские семьи, насчитывавшие до 7 душ м.п. составляли до 60% всех крестьянских семей.²⁷ То же явление наблюдалось и в более восточных районах Сибири. В Енисейском крае уже в 1660-1680-х гг. при господствовавшей малой семье шел процесс превращения ее значительной части в неразделенную. В первой четверти XVIII в. этот процесс усилился. Развитие неразделенных семей в XVII-начале XVIII вв. происходило и в других районах Восточной Сибири - на Илиме и Лене, в Нерчинском уезде.²⁸

Итак, по имеющимся данным, на протяжении XVII-первой половины XVIII в. крестьянская семья типологически не претерпела принципиальных изменений. Малая семья, безусловно повсеместно преобладавшая в среде сельского населения в первой половине XVII в., в дальнейшем в ряде районов вытеснялась семьей неразделенной. Однако, прослеживая генетическую связь между этими двумя типами семьи, нельзя не заметить, что в рассматриваемую эпоху малая семья бытования постоянно, а неразделенная в различных ее формах образовывалась, во-первых, на ее основе, а во-вторых, не существовала неизменно и в зависимости от местных обстоятельств затем распадалась. Это явление прослеживалось вполне определенно с конца XV в. и на протяжении последующего времени.²⁹ По подсчетам Е.Н.Баклановой, в вологодских деревнях, несмотря на усилившийся рост трехпоколенных семей в первой четверти XVIII в., к 1717 г. "в Кубенской трети из 428 семей монастырских крестьян разделилось 66 семей, или 15.4%; из 636 семей помещичьих крестьян разделилось 92, или 14.4%.³⁰ Эти разделы происходили в неразделенных, прежде всего братских семьях, а также между дядьками и племянниками. На основе

образовавшихся малых семей начиналась регенерация неразделенных семей.

Причины преобладания в отдельных местностях в то или иное время разных типов семей - малой или неразделенной, семей много- или малолюдных могут быть выяснены только специальными исследованиями. В разных регионах огромной страны, отличающихся друг от друга климатическими условиями, особенностями хозяйственного освоения и экономического состояния, у разных групп крестьянства (черносошных или государственных, владельческих) эти причины могли быть разными, но так или иначе в комплексе они имели хозяйственный и тягловый характер. Так, представляет безусловный интерес соотношение между рабочими возможностями отдельного двора и налагавшимся на него тяглом. Без учета семейной демографии нельзя конкретно судить об интенсивности развития сельского хозяйства, о посильности роста повинностей и предельности объема феодальной ренты, о минимальной численности семьи, способной обеспечить сельскохозяйственное производство в определенных условиях земельного обеспечения и ренту, и, наоборот, об утилизации вне деревни избыточной рабочей силы как самими крестьянами, так и помещиками и государством в своих, разумеется, целях; рассматривая рабочий состав крестьянской семьи и обращение его части к иным сферам производства, существенно знать, за счет чего происходил отход - избыточности населения в семье или интенсивной эксплуатации в сельском хозяйстве в тот или иной исторический период. Удачный опыт исследования, осуществленный Е.Н.Баклановой о соотношении рабочих возможностей крестьянской семьи и объема феодальных повинностей у вологодских владельческих крестьян в последней четверти XVII - первой четверти XVIII вв. показал, что в последней четверти XVII в. 45% крестьянских хозяйств Подмонастырского села Спасо-Прилуцкого монастыря имели резерв рабочих рук; благодаря этому, во-первых, происходило освоение новых земель и возникновение новых поселений, а во-вторых, монастырь и феодальное государство смогли усилить эксплуатацию крестьянства. В связи с ростом барщинной запашки с 1670-х гг. по 1715 г. и правительственные мобилизациями в армию и на строительные работы этот резерв в первой четверти XVIII в. стал минимальным, и выдержать тягловый гнет могли только те семьи, которые обладали этим резервом или создавали его путем усложнения структуры малой семьи, регенерации ее неразделенной формы.³¹ Утилизацию рабочих возможностей крестьянских семей осуществляли и другие монастыри в XVII в., сдавая имевшиеся у них земельные

резервы своим крестьянам на оброк. В этой связи на примере крестьян Медведевой пустыни (Дмитровский уезд), принадлежащей Донскому монастырю. Н.А.Горская писала, что к началу XVIII в. "производственные возможности не менее чем 54,3% крестьянских хозяйств продолжают превышать минимум, необходимый для обработки надельной земли".³²

Разумеется, существовала связь между рабочими возможностями крестьянского двора и его состоятельностью. В.И.Ленин на основе подворных исследований земской статистики конца XIX в. отмечал, что "многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния"³³. причем "везде состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного - ниже среднего".³⁴ Эта зависимость, следует думать, тем более была свойственна крестьянству феодального времени. Исследователи уже обращали внимание на прямую взаимосвязь между "прожиточностью", что обычно ассоциировалось с "семьянством", крестьянского двора и размером тягла в XVII - XVIII вв.³⁵

Типы семейного строя и его развитие у крестьянства отражались в терминологии родства. К XVII в. термины родства все более ограничивались названиями родственников малой семьи: некоторые термины еще сохраняли следы названий родового строя, но архаические названия все более отмирали и заменялись обобщающими понятиями. Развитие семьи отражалось также в закреплении за древними терминами новых значений.³⁶ В целом с развитием малой семьи терминология становилась беднее по сравнению с предшествующим раннефеодальным периодом, так как все большее значение придавалось прямому родству, а термины, относившиеся к боковым линиям, сливались; к XVI в. употребительными были термины: родители (предки), дети, бого诞ные дети - подкидыши, приемыши, сын, дочь, падчерица, пасынок, брат (родной или двоюродный брат - дядин сын), внук, внучка и т.д.; термины свойства: муж, жена, свекор, свекровь, тесть, теща, сноха (жена сына по отношению только к свекру: жене брата), невестка (жена сына для свекрови; жена брата), зять, деверь, золовка, шурин, своячница, свояк, сородич (вообще родственник), племянники (род. племя, родственники вообще).³⁷ С XVI в. общим термином, обозначавшим семью, становится слово "родня".³⁸ По юридическим актам XVI в. видно, что общими названиями для обозначения родственников по боковой линии стали: дядя (братья и по материнской, и по отцовской линиям), тетя (сестры со стороны матери и отца), племянник, племянница (дети братьев и сестер).

свойственники - деверь, золовка, ятровь (жена брата со стороны золовки и деверя). Таким образом, если ранее понятие племянник, племянница означали принадлежность к одному роду,³⁹ то в XVI - XVII вв. под ними понимали только детей братьев и сестер. Появились и новые однозначные названия, устранившие дублеты. Так, в XVII в. термин "мама", употреблявшийся прежде в значении "кормилица", стал применяться в значении только "мать".⁴⁰ В XVIII в. термины родства не отличались от установленных в XVI - XVII вв. Для них были характерны в большинстве своем однозначные понятия с сохранением в некоторых из них следов архаических отношений. Из новых названий родственников к этому времени относится появление термина свойства - свояченица⁴¹ (сестра жены), правда, восходящий к старому названию свояченица (-ня), своякина и даже свесть (от "свой"); отсюда и свояк - муж сестры.⁴² Шел процесс дальнейшей унификации терминов, обозначавших одним и тем же названием нескольких родственников, что было связано с ограничением круга родственных связей при развивавшихся малых семьях. Так, все больше расширяли свое значение термины "сноха" (жена брата мужа, жена брата, жена сына для свекра; невестка для свекрови), "зять" (муж дочери, муж сестры, муж сестры жены). Под влиянием литературного языка в просторечии укреплялись термины: фамилия (семья, родня), кузен (двоюродный брат),⁴³ отчим (в Чердынском уезде - "вотчим") и пасынок.⁴⁴

Бытование в крестьянской среде определенной типологии - малых и неразделенных семей - отражалось на хозяйственной и бытовой жизни деревни. Функционирование малой семьи, как основы семейного строя, определило содержание и направленность обычного права прежде всего в сфере имущественных отношений. По общему все имущество считалось общесемейной собственностью, но каждый мужчина в крестьянской семье любого состава - малой или неразделенной - обладал правом на долю имущества своего отца, на основе которой он мог бы возглавлять самостоятельное производящее хозяйство.⁴⁵ Актовый материал XVI - XVII вв. свидетельствует, что в среде черносошного северного крестьянства, у которого в рамках сельской общины существовало подворное землепользование, при семейных разделах обычно сыновья получали равные доли из общесемейного имущества и общесемейной земли. Внуки, независимо от их числа, получали долю отца.⁴⁶ Вдова с детьми имела право на долю мужа. В таких разделах происходило распределение земли, построек, сельскохозяйственного инвентаря, скота и всего имущества. Допускалось в северных уездах наделение землей дочерей-невест в

качестве приданого.⁴⁷ При отсутствии прямых наследников наследование могло осуществляться по боковым линиям (например, племянникам от дядей). Наследование земельных наделов оформлялось письменно и совершалось устно, что также имело юридическую силу.⁴⁸

В среде крестьянства средней полосы России, у которого существовало передельное землевладение, при семейных разделах общинный пахотный надел делился на равные части между главами выделившихся семей вне зависимости от их состава и наличия в них работников мужского пола.

Характерным явлением для русской деревни было примачество - прием в дом мужа дочери. Обычно оно объяснялось необходимостью поддержать хозяйство, когда в доме не оставалось работников мужского пола. В отдельных случаях зять принимался в дом и при наличии там сыновей.⁴⁹ Уже в XVII - первой половине XVIII в. вхождение примака в семью оговаривалось специальными условиями, которые фиксировались письменно ("запись", "договорное письмо", "условие", "договорная запись") и приобретали значение бытового юридического документа (договора).⁵⁰ По этим условиям зятя получали право на наследство после смерти тестя или на его долю, если у последнего были сыновья.

Немногочисленные сравнения крестьянских семей по их составу приводят к наблюдению о бытовании семей разного типа в рассматриваемое время. В средней и южнорусской полосе, где преобладало барщинное хозяйство, долго держалась неразделенная семья. В местах, где наряду с занятием земледелием, крестьяне уходили на заработки, наибольшее распространение получала семья малая, состоявшая из двух поколений (родители-дети) и численно редко превышавшая 3-7 человек.

Неразделенные семьи разных районов существенно различались и по своей структуре. В центральной полосе неразделенные семьи были более просты по составу: они включали родителей с несколькими женатыми сыновьями или нескольких женатых братьев со своими семьями, т.е. семьи, где между членами существовало кровное родство. Структура же семей земледельческих районов нередко была более сложна, т.к. в семьях наряду с прямыми родственниками жили и родственники по боковой линии: двоюродные и троюродные братья, племянники, принятые в дом зятя, посторонние лица - "приемыши". Нередко встречались семьи женатых братьев с семьями замужних и овдовевших сестер. Но все это разнообразие структур неразделенных семей позволяет выделить среди них две формы - семью отцовскую и

братскую и семью из дядей-племянников как разновидность братской семьи.

Неразделенные семьи, бытовавшие в районах Европейского Севера в XVIII в. все больше уступали место малым семьям. Государственные крестьяне ряда мест Севера (Устюг Великий, Тотьма и др.) уже имели преимущественно малые семьи, чему способствовали рано развившиеся здесь товарно-денежные отношения в крестьянских хозяйствах. Монастырские и помещичьи крестьяне дольше сохраняли неразделенные семьи. Архаические формы семьи еще бытовали у крестьян-раскольников. В колонизуемых земледельческих районах Сибири к концу рассматриваемого периода крестьянская семья пережила свое превращение из первоначальной малой формы в неразделенную семью. Наличие в крестьянской среде того времени семей разного типа зависело от экономического состояния районов и сословного состава крестьянства.

Примечания:

1. Третьяков П.Н. Подсчетное земледелие в Восточной Европе // Изв. ГАИМК. Т. XIV. Вып. 1. 1932. С. 9; Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. О формах черного крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Труды ЛОИИ. Вып. 13. Л., 1972. С. 7.
2. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 3. Спб., 1903. С. 65-66; Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области и после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Ч. 1. Киев, 1915. С. 191; Андриашев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятна по писцовым книгам 1496-1566 гг. // ЧОИДР. М., 1914. В. 3. С. 15; Загорский В.Ф. История землевладения Шелонской пятны в конце XV и XVI веках // ЖМЮ. 1909. № 8. С. 299, 314.
3. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1978. С. 10, 47, 68, 143 (таблицы 14, 25, 50); Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI - XVIII веках. М., 1974. С. 153-154; Колесников П.А.

4. Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII века //История СССР. М., 1977. N 4. С.152-155.
5. Готье Ю В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С.60.
6. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М., 1973. С.221-231 (приложения 5-9, подсчет авт.).
7. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. Спб., 1890. С.259.
8. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С.288, 337.
9. Водарский Я.Е. Указ.соч. С.231.
10. Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населения дворов в России в XVI - XVII вв.//Вопросы истории хозяйства и населения России XVIIв.Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С.123.
11. Там же. С.122-123.
12. Бакланова К.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С.38.
13. Кленякин А.В. Крестьянский двор и семья первой трети XVIII века (по подворным переписям в селениях Алатырского уезда //Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Чебоксары, 1973. С.46.
14. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С.122.
15. Иванов П.И. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVIIв.//Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологического Общества, 1898. Т.1. В.3. С.145; он же: Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян //Древности. Т.2. В.2. С.204.
16. Устюгов Н.В. Соловаренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С.147, 150.

17. Бакланова Е.Н. Указ.соч. С.34, 39; она же: Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера. Северный археографический сб. В.1. Вологда. 1970. С.176-179.
18. ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2357. Л.4-7об., 119об.-125 об.
19. Соколовская М.Л. Северное раскольничество общежительство первой половины XVIII в. и структура его земель // "История СССР". 1978. N1. С.163-164.
20. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Основные формы сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI - XVII в. //История СССР. 1980. N 5.
21. Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Указ.соч. С.156.
22. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С.22-27, 79-84, 104-118, 144-157, 252-273, 294-298, 327, 362-365.
23. Водарский Я.Е. Население России. С.232 (подсчеты средней численности автора - В.А.); он же. Численность русского населения Сибири в XVII - XVIII вв.//Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С.209, 213.
24. Александров В.А. Русское население Сибири XVII - первой половины XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С.137.
25. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - XIX в.). Новосибирск. 1979. С.44-48. Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян в Сибири в XVII - первой половине XIX в. //СЭ. М., 1980. N 3. С.39-43.
26. Бояршина 3.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода.//Вопросы истории Сибири. В.3. Томск. 1967. С.13, 14, 19.
27. Миненко Н.А. Указ.соч. С.46, 49. Власова И.В. Указ.соч. С.44.
28. Александров В.А. Указ.соч. С.133-137. Власова И.В. Указ.соч. С.43. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1. Иркутск. 1949. С.226-229. Сафонов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII - начала XX в.). Якутск. 1961. С.31.
29. Сергеевич В.И. Указ.соч. С.65, 66. Андрияшев А.М. Указ.соч. С.15. Копанев А.И. Указ.соч. С.122.
30. Бакланова Е.Н. Указ.соч. С.166, 36, 39.

31. Бакланова Е.Н. Указ.соч. С.39, 95, 100, 101, 193, 194.
32. Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С.181, 42, 51, 72, 77, 83.
33. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.17. С.83.
34. Там же. Т.3. С.127.
35. Шапиро А.Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962. С.212; Тихонов Ю.А. Помещичье крестьяне в России. Феодальная рента в XVII - начале XVIII в. М., 1974. С.155, 156.
36. Козырев И.С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках //Русская историческая лексикология. М., 1968. С.8.
37. Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI - XVIII вв. М., 1970. С.197-211.
38. Судебник 1589 г. //Памятники русского права. В.4. М., 1956. С.134.
39. Лавровский П. Коренное значение в названиях родства у славян. //Сб.статьей, читанных в ОРЯС. Т.2. № 3. Спб., 1867. С.49.
40. Козырев И.С. Указ.соч. С.17.
41. Котков С.И. Указ.соч. С.207.
42. Лавровский П. Указ.соч. С.79, 80.
43. Козырев И.С. Указ.соч. С.9.
44. Известны по документам 1711 г. в Чардынском уезде. //ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2357. Л.120, 125об.
45. Александров В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII - начала XIX в. //“История СССР”. М., 1979. № 6. С.52, 53.
46. Иванов П. Поземельные союзы... С.205.
47. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор... С.169.
48. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т.1. М., 1909. С.150-151. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор... С.163.
49. ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.1. Л.7. Ф.111. Оп.1. Д.2357. Л.122(Чердынь).
50. Александров В.А. Семейно-имущественные отношения... С.46.